

КОМПЛЕКС ЭРИСИХТОНА²

Выдающийся русский мыслитель советской эпохи Эвальд Ильенков как-то высказал мысль о том, что в современных условиях самыми важными для человечества являются две науки: психология и политическая экономия. Сам философ стремился связать эти две сферы познания в своей личной судьбе, осветив их единым гносеологическим подходом материалистической диалектики. При этом он, несомненно, опирался на опыт К. Маркса, который в «Капитале» рассматривает не только противоречивое движение товаров и стоимостей, но и их отражение, превращенные, иллюзорные и отчужденные формы в голове товаровладельца, предпринимателя, банкира, ученого.

Всеобъемлющий гений древних греков также не был чужд этих проблем, отразив их, в частности, в мифологической форме.

Античный мир обогатил духовную сокровищницу человечества бесчисленным количеством роскошных и разнообразных, мудрых и поучительных мифов. Нам с детства знакомы увлекательные рассказы о Зевсе и Посейдоне, Афродите и Афине, Геракле и Антее, Гепесте и Персее – список можно продолжить, но новых имен уже не внесешь. В новые времена Ницше пытался актуализировать аполлоновское и дионисийское начала. Но самый модернистский поиск был совершен Зигмундом Фрейдом, который выдвинул против изумленного человечества Эдипов комплекс. Правда, Курт Хьюбер сердито на это проворчал: «Истолкование мифа об Эдипе Фрейдом и его сторонниками является совершенно произвольным» [1]. И в самом деле, весьма сомнительным является утверждение, будто каждый малыш желает прирезать своего папашу, чтобы овладеть матерью. Комплекс Эдипа скорее можно назвать в память о его отце комплексом Лаия, поскольку последний поднял руку на фундаментальный закон продолжения рода (случай с Хрисиппом).

¹ Жданов Юрий Андреевич – российский химик, философ и культуролог. В 1948 году защитил кандидатскую диссертацию по философии. С 1947 по 1957 гг. работал в отделе науки ЦК КПСС и в Ростовском обкоме партии. В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1960 – докторскую, посвященные методам синтеза и свойствам углерод-замещающих углеводов. Основные научные интересы Ю.А. Жданова: синтетическая и теоретическая органическая химия, химия природных соединений, философские и методологические проблемы естествознания, теория культуры, экология. Ю.А. Жданов – признанный лидер в углеводном синтезе, в создании комбинированных углеводсодержащих структур. С 1957 по 1989 гг. Ю.А. Жданов – ректор Ростовского государственного университета. Признанием больших заслуг Ю.А. Жданова явилось избрание его в 1970 г. членом – корреспондентом АН СССР (ныне РАН).

В настоящее время Ю.А.Жданов – председатель Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ) и главный редактор журналов «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», «Научная мысль Кавказа», председатель совета РГУ по защите докторских диссертаций по специальности «философия науки и техники».

² ЭРИСИХТОН, в греческой мифологии: сын фессалийского царя Триопа. Обуянный безбожной дерзостью, Э. вырубает священную рощу Деметры, невзирая на предупреждение богини, являющейся к нему под видом жрицы. За это Деметра наказывает Э. чувством неутолимого голода. В мифе также фигурирует дочь Э., которую тот, пользуясь ее способностью принимать разные обличья, многократно продает, а вырученные деньги проедает. Так продолжается до тех пор, пока Э. не начинает поедать собственное тело (Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991, с. 638).

В то же время нельзя не отметить наметившегося усиления внимания к мифологии у многих современных философов, культурологов, социологов. Мифологическое сознание оказалось весьма живучим, несмотря на все успехи научного познания, логики, диалектики. Правда, не следует забывать, что массовое обыденное сознание людей весьма далеко и от науки, и от логики.

Крупнейшие умы человечества немало внимания уделяли природе мифа, его, исторической обусловленности и эволюции. К. Маркс в свое время справедливо заметил: "Древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии..." [2]. Закономерность и неизбежность формирования мифов отмечал Ф. Энгельс. По его мнению, мифологический процесс - это "свободное саморазвитие сознания в пределах всемирно-исторической необходимости" [3].

В классической немецкой философии существовала мощная традиция глубокого анализа мифотворчества. Ф. Шеллинг посвятил этой проблеме "Введение в философию мифологии", полагая, что в мифе "ощутимы первые переживания сил, незримо управляющих человеческим миром". На этой основе формируется в сознании универсум первообразов, обладающий бесконечной природой. При этом, по мысли Шеллинга, мифология не только изображает настоящее или прошедшее, но стремится охватить также и будущее, обладая даром пророческого предвосхищения.

Глубокий анализ природы мифа заключен во многих работах Гегеля ("Философия духа", "Философия религии", "Лекции по истории философии"). Формирование мифов он связывает с закономерным этапом постижения мира в виде эмоционально насыщенных образов, представлений, колеблющихся между чувственным созерцанием и подлинной мыслью. По поводу мифологии Гегель пишет: "Она, правда, является продуктом фантазии, но не продуктом произвола, хотя последний также находит себе здесь место. Главное в мифологии является результатом фантазирующего разума, делающего своим предметом сущность, но не обладающего никаким другим органом, кроме чувственного способа представления, так что боги выступают в человеческом образе..." [4].

Размышления Гегеля имеют огромное значение для теории познания, гносеологии, теории отражения. Природный и общественный мир человека отражается в его голове в виде идеальных, всеобщих, еще абстрактных представлений, которые воплощаются в индивидуальные фантастические образы, как бы опредмечиваются и овеществляются вплоть до фетишей и кумиров.

Итак, мифология есть способ освоения природного и социального мира, образно-чувственное его восприятие, переливающееся в сферу интуиции и фантазии, творческого воображения. Она содержит в себе дискурс на уровне представлений и в то же время непрерывно отрывается от реальности.

Эти предварительные размышления, надеюсь, позволяют оправдать рискованный шаг актуализации еще одного, малоизвестного, фактически всеми забытого античного мифа. Речь идет о неприметном фессалийском царьке Эрисихтоне, мифологическую историю которого рассказали два автора - александрийский грек Каллимах и Овидий в своих "Метаморфозах".

Извинившись за неизбежные купюры, приведем вначале миф в той форме, в которой его представил Каллимах в гимне "К Деметре".

В давнее время не Кнίδα предел, но Дотий священный
Племя пеласгов еще населяло, они посвятили
Рощу богине густую - сквозь листья стреле не пробиться,
Там и сосна возростала, и статные вязы, и груши
Там и сладчайшие яблоки зрели, электра яснее,
Там струилась вода из протоков. Не меньше ту рощу,
Чем Элевсин, иль Триоп, иль Энну любила богиня.
Демон благой отошел меж тем от Триопова рода.
И через то Эрисихтон был злым подвигнут советом:

Двадцать служителей он повел с собою, могучих,
Словно Гиганты, способных хоть целый град ниспровергнуть
Их секирами всех ополчил, ополчил топорами –
И предерзких толпа к Деметриной кинулась роще.
Был там тополь огромный, до неба росшее древо.
Тень в полуденный час для игры дарившее нимфам,
Первый принявши удар, печально оно восстенало.
Вот Деметра вняла, как тополь страждет священный,
И промолвила в гневе: "Кто дивные рубит деревья?"

Но попытка Деметры урезонить зарвавшегося буяна встретила решительный отпор:

"Прочь, - он вскричал, - иль моим топором тебя поражу я!

Что до этих дерев, то они пойдут на укрытье

Для чертога, где радостный пир сотворю я с друзьями!"

Юноша кончил, была записана речь Немесидой.

Гневом вскипела Деметра, мертвые от страха слуги

Прочь пустились бежать, в лесу топоры покидавши,

Их Госпожа отпустила, людей подневольных, не доброй

Волей пришедших сюда, но владыке молвила гневно:

"Так, хорошо, хорошо, о пес, о веселых

Ныне пекися пирах! Предстоит тебе трапез немало".

Так провещала она, Эрисихтону горе готовя,

В тот же миг он был обуян неистовым гладом,

Жгучим, ярости полным, и злой в нем недуг поселился.

О, злосчастный! Чем больше он ел, тем больше алкал он.

Двадцать слуг подносили еду, а вина - двенадцать.

Ибо гневом пылал Дионис с Деметрой согласно:

Что ненавидит Деметра, всегда Дионис ненавидит.

Дома меж тем запершись, целодневно с утра до ночи

Ел он и ел без конца, но вотще - свирепый желудок

Только ярился сильней, как будто в пучину морскую

Все погружались бесплодно, нимало не пользуя, яства.

Словно снег на Миманте иль воск в сиянии солнца,

Так он таял и таял сильней, пока не остались

Только жилы одни у страдальца, да кожа, да кости

Но когда от зубов ненасытных все опустело,

На перекрестке дорог уселся царственный отпрыск

*Клянча сухие куски и стола чужого отбросы*³ [5].

Итак, у Каллимаха рассказ идет о высокопоставленном шалопае, который совершил святотатство, оскорбив Деметру, за что и был наказан голодом. Станным образом весьма проницательные специалисты по истории мифологии лишь бегло касаются выходки Эрисихтона. Так, несомненный знаток мифологии А. Ф. Лосев мимоходом упоминает об Эрисихтоне по случайному поводу [6].

Дотошный Дитер Лауэнштайн вскользь отмечает: "В остальном пропитание - сфера Деметры, как подчеркивает Каллимах в своих гимнах к этой богине на примере обжоры Эрисихтона, "того, на кого гневается богиня" [7].

³ Здесь и далее курсив наш. – Ю.Ж.

Великий итальянский мастер Джорджоне на своем полотне "Адонис и Эрисихтон" также противопоставляет фессалийского царька кругу Деметры – Персефоны в лице прекрасного юноши Адониса – символа вечно возрождающейся природы.

Роберт Грейвс более детально анализирует проступок "обжоры". Рассказ о сыне Тритона Эрисихтоне - это нравоучение. Среди греков, латинян и древних ирландцев бытовал обычай, в соответствии с которым рубка деревьев в священной роще каралась смертью. Однако наказание ненасытным голодом, который в елизаветинские времена получил название "волчьего аппетита", - это несправедливое наказание за рубку деревьев, и имя у Эрисихтона означает "бороздящий землю" и говорит о том, что его действительным преступлением была пахота без согласия Деметры [8].

Мудрый знаток мифологии Я. Голосовкер не поверил внешней канве сюжета об ожорстве: "Эрисихтонов голод - голод ненасытный, ничем не утолимый. Такова и трагедия ума: никакое знание не может утолить голода мысли, ее голода, и она в итоге сомнений, потеряв все основания знания, съедает самое себя" [9].

Голосовкер справедливо замечает, что Эрисихтон выпадает из ряда "голодающих" античных героев. Те просто лишены доступа к пище: Тантал тщетно домогается питья и плодов, гарпии отбирают съестное у Финея; у несчастного Мидаса пища превращается в золото. Эрисихтон успешно пожирает все окружающее и не может насытиться. Голосовкер почувствовал, что не так все просто с Эрисихтоном и попытался нащупать в мифе некую эпичес-темологическую метафору, отходя от традиции Каллимаха и обращаясь к варианту мифа, представленному Овидием [10]. В "Метаморфозах" римский поэт примыкает к традиции Каллимаха, но под его пером миф об Эрисихтоне приобретает новые, подлинно космические очертания, мрачную глубину, характер социального прогноза и предостережения.

Подобно Каллимаху, он начинает со вторжения Эрисихтона в священную рощу Деметры-Цереры. Однако уже не тополь становится жертвой его топора, а могучий дуб, символизирующий во многих мифологиях Древо жизни или Древо мира. На него поднял руку Эрисихтон в священной роще богини растительности, богини плодородия, щедро одаряющей человека своими плодами.

Мало понимали древние греки в экологии, но в их душах и в памяти их предков хранились картины опустынивания обширных районов Малой Азии, обезлесения их родной Эллады, Балкан. Нить Ариадны тянется с тех времен к современному экологическому кризису биосферы. Вырубается не роща Деметры-Цереры, нет! Рушатся зеленые гиганты в лесах Амазонки, забиты гниющим молевым лесом реки Сибири. Отравлены коралловые рощи на дне океана, о чем с болью рассказал нам великолепный Кусто. Осыпалась листва от американских дефолиантов на миллионах гектаров джунглей Вьетнама. На землю пришел экоцид, биоцид, геноцид.

Повторяя сюжетную линию Каллимаха, Овидий внес в миф об Эрисихтоне новые, принципиально важные отличия и черты. Видимо, поэту римской эпохи были доступны более широкие источники, чем александрийскому греку. Под пером Овидия миф не только обогатился новыми деталями, но приобрел поистине общечеловеческое значение. Последуем же за его рассказом об Эрисихтоне.

*Он топором - говорят - оскорбил Церерину рощу,
Будто железом нанес бесчестье древней дубраве.
Дуб в той роще стоял, с долголетним стволом, преогромный,
С целую рощу один, - весь в лентах, в дощечках на память,
В благочестивых венках, свидетельствах просьб не напрасных.
Часто дриады под ним хороводы в праздник водили,
Часто, руками сплетаясь по порядку, они окружали
Дерева ствол, толщина того дуба в обхват составляла
Целых пятнадцать локтей. Остальная же роща лежала*

Низменно так перед ним, как трава перед рощею всею.
Но несмотря ни на что, Триопей топора рокового
Не отвратил от него, приказал рабам, чтоб рубили
Дуб. Но, как медлили те, топор из рук у них вырвал.
"Будь он не только любим богиней, будь ею самою,
Он бы коснулся Земли зеленою все же вершиной!" –
Молвил. И только разить топором он наискось начал,
Дуб содрогнулся и стон испустило богинино древо.
В то же мгновенье бледнеть и листва, и желуди дуба
Стали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись,
А лишь поранили ствол нечистивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилась кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык, - из шеи крутой поток изливается алый,
Остолбенели кругом; решился один святотатство
Предотвратить, отвести беспощадный топор фессалийца.
Тот поглядел - "За свое благочестье прими же награду!" –
Молвил, и вместо ствола в человека направил оружие,
Голову снес - и рубить стал снова с удвоенной силой.
Вдруг такие слова из середины послышались дуба:
"В дереве я здесь живу, Церере любезная нимфа,
Я предрекаю тебе, умирая: получишь возмездье
Ты за деянья свои, за нашу ответишь погибель!" [10, С. 269 – 270].

Овидий вплетает в повествование новый важный мотив: кровь, насилие, убийство. Из нанесенной дубу раны струится кровь обитавшей в нем прекрасной нимфы. В человека направил оружие Эрисихтон и снес топором голову своего товарища, воспротивившегося разрушительному неистовству.

Нет, не духовною жаждою был томим Эрисихтон, как думал Голосовкер, в нем восторжествовали "дикие, слепые и необузданные силы разрушения", как их охарактеризовал Маркс [11].

Как и Каллимах, Овидий описывает далее то великое проклятье, которое пало на Эрисихтона по воле Деметры-Цереры. Это проклятье - смертный голод. Исполнительницей кары стала богиня голода. Правда, Церера не хотела иметь с ней личных контак-тов и направила за ней в запряженной змеями колеснице одну из своих помощниц на окраину "Скифии льдистой".

Да на мерзлой горе, на Кавказе

Остановилась она и змей распрягла, и сейчас же

Глада богиню нашла на покрытом камнями поле [10, с. 271].

На первый взгляд, представляется неожиданным то обстоятельство, что богиня голода обитает на Кавказе, в скифских степях. На наш современный взгляд, именно здесь раскинулись плодородные степи, поля и сады Кубани, Предкавказья и лишь злые большевики организовали тут голод в тридцатых годах. Однако дело, видимо, сложнее.

В историческом сознании предков античных греков сохранились воспоминания о давних временах миграции индоарийских племен. Эти же воспоминания отразились у современных кавказских народов в Нартских сказаниях. Как и греческая мифология, нартский эпос связывает богоборческие мотивы с наказанием голодом.

Герой кабардинского эпоса, прославленный нарт Уазырмес, спасает нартов от голода, который наслал на них мстительный властелин Пако [12]. Осетинское сказание повествует о голодном годе нартов, когда пал весь скот и выгорели нивы. Более того,

гибель племени героев связывается с тем, что на земле нартов перестал родиться хлеб [13]. Поэтому местообитание царицы голода в Скифии не случайно, миф об Эрисихтоне в изложении Овидия имеет серьезное основание.

Враждебная Церере богиня голода исполнила ее просьбу и вдохнула в спящего Эрисихтона неутолимую ненасытность:

Сладостный сон между тем Эрисихтона нежил крылами
Мягкими: тянется он к соблазнительно снящимся яствам;
Тщетно работает ртом; изнуряет челюсть об челюсть,
Мнимую пищу глотать обольщенной старается глоткой.
Но не роскошную снедь, а лишь воздух пустой пожирает.
Только лишь сон отошел, разгорается буйная алчность,
В жадной гортани царит и в утробе, отныне бездонной.
Тотчас всего, что земля производит, и море, и воздух,
Требует; блюда стоят, но на голод он сетует горько.
Требует яств среди яств. Чем целый возможно бы город,
Целый народ напитать - для него одного не довольно.
Алчет все большего он, чем больше нутро наполняет,
Морю подобно, что все принимает земные потоки,
Не утоляясь водой, выпивает и дальние реки,
Или, как жадный огонь, постоянно питания алчет
И без числа сожирает полен, и чем больше получит,
Просит тем больше еще я становится все ненасытней, -
Так нечестивого рот Эрисихтона множество разных
Блюдов принимает и требует вновь: в нем пища любая
К новой лишь пище влечет. Он ест, но утроба пустует.
Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
Средства отцовские. Ты лишь один, о, безжалостный голод,
Не притуплялся внутри; не смиренное пламя пылало
В глотке его. *Наконец все имущество кануло в чрево* [10, с. 271 - 272].

По мере того, как вчитываешься в драматические строки поэмы, невольно охватывает и проникает в сознание мысль: так ведь это же описание общества потребления, которое ненасытно, в нарастающем неистовстве требует всего, что производит земля, и море, и воздух. Создатель и глава Римского клуба Ауреллио Паччеи утверждает, что ныне на карту поставлена судьба человечества как вида и объясняет, почему это так: "Уподобившись Гаргантюа, он развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию" [14].

Как не вспомнить здесь грозную филиппику Энгельса: "Самые низменные побуждения - вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния - являются восприимчивыми нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства - воровство, насилие, коварство, измена - подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели" [15].

Но эти фурии частного интереса и корысти празднуют свое торжество именно в нашу эпоху.

Жестокий миф продолжает свою беспощадную логику. Эрисихтон ищет спасения в... рыночной экономике: он решил продать свою дочь:

Дочь оставалась одна, - не такой подобал ей родитель!
Нищий, он продал и дочь... [10, с. 272].

Однако вырученных от продажи родной дочери средств хватило не много. Обладая даром перевоплощения, дочь возвращается к своему непутевому отцу. Тог снова торгует ее жизнью:

Но, убедившись, что дочь принимает различные виды,
После отец продавал Триопеиду часто, - и дева
То кобылицей была, то оленем, коровой и птицей
И доставляла отцу беззаконное тем пропитанье.

В своем замечательном исследовании о природе человеческой деструктивности известный философ и психоаналитик Эрих Фромм так определяет природу рыночных отношений: "... для рыночной личности весь мир превращен в предмет купли-продажи" [16].

Греки времен Эрисихтона еще не знали денег, но уже освоили товарный обмен. Замечательным образом они инстинктивно почувствовали его внутреннюю антагонистическую природу. Более того, несчастная дочь Эрисихтона уже выступает в форме всеобщего товарного эквивалента, который может быть обменен на кобылицу или корову. Удивительным образом это напоминает схему Маркса из "Капитала", представляющую всеобщую форму стоимости:

1 кобылица	}	= 1 дочь
1 корова		
1 олень		
1 курица		

К сожалению, это мрачное уравнение отнюдь не носит демагогический характер. Во времена Овидия слово "rescupia" означало одновременно и деньги, и скот. Что касается наших дней, то в условиях цивилизованного капитализма возник и развился киднепинг (торговля детьми). Торгуют не только детьми, но и тканями неродившихся младенцев, эмбрионов; торгуют живыми глазами, почками - проституировано все. Продать можно-мать, историю, отечество, идею, наркотик, оружие - дали бы хорошие деньги. Появились политические проституты. Далеко до всего этого Исаву или Иуде! Видимо, недаром творец кибернетики Норберт Винер призывал людей не подходить к добру и злу с позиций свободного рынка, убеждал их в том, что "выход один - построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи" [17], поскольку, по его мнению, конкуренция приводит не к саморегуляции общества, а к "столпотворению измен, ренегатства и обманов".

Но и это еще не конец в рассказе об Эрисихтоне. Заключительный аккорд мифа ужасен:

После того, как алчба достояние все истощила,
Снова и снова еду доставляя лихому недугу,
Члены свои раздирать, зубами грызть Эрисихтон
Начал: тело питал, убавляясь телом, - несчастный! [10, с. 273].

Итак, начав с разрушения природы, пролив чужую кровь, Эрисихтон приходит к саморазрушению, самопожиранию. Отчуждение от мира, от человеческой сущности ведет к самоотчуждению в самой дикой форме.

Здесь хотелось бы обратиться к одному понятию, над которым размышлял еще Гегель и к которому не обращались последующие мыслители, к понятию "озлобление". Именно оно характеризует Эрисихтона. По Гегелю, озлобление - это "дикий выход за пределы всех границ", оно "представляет собой разрушение природы", "пожирает свой образ" [18].

В основе эволюции рода человеческого, как и всего живого на Земле, лежат две максимы: воспроизводство индивида и продолжение рода. Достигается это в живой природе разными путями. Но, во всяком случае, зайцы не уничтожают зайцев. А тигры не пожирают тигров. Странные причуды антропогенеза привели к тому, о чем Эмпедокл с негодованием вопрошал еще две с половиной тысячи лет тому назад:

Где же убийствам ужасный предел?
Неужели беспечный
Ум ваш не видит того, что друг другу вы служите пищей? [19].

Минувшие столетия не внесли ничего нового в этот мир звериных антагонизмов, кроме внешнего лоска и блеска, технических конструкций и бессильных lamentаций. О прекрасных итогах цивилизации, в первую очередь западной, с беспощадностью писал наш великий Плеханов: "И как не велики технические завоевания и научные открытия капиталистической эпохи, но несомненно, что с нравственной стороны ее тенденция превратить человека в *умного зверя*, прекрасно вооруженного наукой для удовлетворения своих звериных инстинктов" [20]. Умные звери вдохновенно сочиняют электрические стулья, табун и зарин, газовые камеры, атомные бомбы и нейтронное оружие.

Плеханов слыл аналитиком, склонным к теоретизированию. Его родной брат по духу Герцен как художник был более эмоционален, ядовито саркастичен: "Когда не могут все хорошо жить, пусть живут несколько, пусть живет один - на счет других, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только с этой точки зрения и можно понять аристократию. Аристократия - вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет за счет своего работника, - составляют только видоизменения одного и того же людоедства" [21].

Нет, людоедство - это, увы, не метафора. Военные историки спорят о том, сколько людей истреблено в ходе 15 тыс. вооруженных столкновений, прогремевших за писаную историю. Цифры сильно колеблются, но все равно беспощадны: от полутора до четырех с половиной миллиардов. Еще опаснее и разительнее тенденция и динамика. Ссылаясь на работу К. Райта, Э. Фромм дает таблицу числа сражений, которые провели только европейские державы:

1500-1599	87
1600-1699	239
1700-1799	781
1800-1899	651
1900- 1940	892 [16, с. 187].

После этого нам пытаются что-то бормотать о прелестях западной цивилизации, о благах свободного рынка, конкуренции и предпринимательства. Но в приведенной таблице еще не вся и не главная правда. За эти столетия изменился характер войн: из локальных они превратились в мировые. И счет потерь детей человеческих пошел теперь на десятки миллионов: в первой мировой - 20, во второй - 55. Ныне человечество обрело возможность полного самоуничтожения, что было лишь фантазией во времена откровения Иоанна.

Комплекс Эрисихтона фантастически разросся. Судьба незадачливого фессалийского царька разрослась до поведения групп, паразитических классов, элит, господствующих народов, которые стали коллективными Эрисихтонами. Вспомним, как погибла культура Центральной Америки, инков при вторжении благочестивых испанских католиков! Вспомним, как немецкий Михель быстро замаршировал на Восток, когда ему пообещали кур, "яйки" и фермы! "История цивилизации от Карфагена и Иерусалима до разрушения Дрездена и Хиросимы и уничтожения людей, земли и деревьев Вьетнама - это трагический документ садизма и жажды разрушений", - резюмирует Э. Фромм [16, с. 147].

После второй мировой войны планета не погрузилась в благодатную нирвану. Напротив, ее потрясли сотни войн (по статистике около 300) и конфликтов, несмотря на все упования, связанные с созданием ООН. Вспомним хотя бы географию этих кровавых драм: Ближний Восток, Израиль, Египет, Сомали, Судан, ЮАР, Заир, Ангола, Танзания, Курдистан, Ирак, Карабах, Чечня, Шри-Ланка, Бангладеш, Пакистан, Кашмир, Афганистан, Таджикистан, Никарагуа, Гаити, Гватемала, Венесуэла, Колумбия, Алжир, Марокко, Кипр, Югославия, Ирландия! Стрелять, взрывать, травить начали повсеместно и в массовом масштабе. Гибнут от рук террористов люди в Лондоне и Париже, Токио и

Москве, Вашингтоне и Белграде. Перепуганные интеллигенты либерально-демократической веры, потеряв способность к анализу и размышлению, мечтают лишь о пришествии мирового жандарма, который наведет порядок, пусть ценою "Бури в пустыне" во вселенском масштабе.

Люди на всей Земле утратили чувство безопасности, поскольку атомная угроза сомкнулась с волной террора повсеместного и беспощадного.

Это значит, порочна основа общественного бытия, и никаким рок-звездам не заглушить нарастающего грохота взрывов, никакими кока-колами не отмыть потоков льющейся крови, никакими "сникерсами" и "блендамедами" не замазать зияющих трещин, раскалывающих мир.

Богиня голода празднует ныне непрерывную тризну, унося ежегодно миллионы жизней, и в первую очередь детей. Всеохватывающая система финансового капитала высасывает из человечества не цифры на дисплеях, не зеленые бумажки или золотые кругляшки, а горячую человеческую кровь, которая омывает клеточки мышц и мозга работающего организма. Именно она составляет субстанцию стоимости, оседающую в швейцарских, парижских, лондонских банках, в Международном валютном фонде и питающую паразитический класс, народы-рантье.

Как отмечал в далекие двадцатые годы нашего века почти забытый ныне К. Каутский, "эпоха существования цивилизации, государства и классов является самой ужасной и самой кровавой эпохой в истории человечества" [22]. Он подчеркивал, что тенденция к истреблению естественных богатств заложена в самом товарном производстве, в частном производстве отдельных лиц для частной пользы, а не для удовлетворения общественных потребностей.

Антагонистический базис западной цивилизации неизбежно становится основанием психологии отдельного индивида.

Вот теперь роковой комплекс Эрисихтона завершен. Чудес не бывает: на заре формирования общества классовых антагонизмов гениальная интуиция греков уловила их коренные черты и фундаментальные характеристики: разрыв с освещенными традицией нравственными, духовными ценностями народа, разлад с природой, насилие над человеком, хищническое потребительство, продажа всех и вся, наконец, самоотчуждение, вплоть до самопожирания, самоозлобления и самоуничтожения. В этих условиях, тем не менее, формировалась и созидаящая, утверждающая культура, творчески преобразующая прометеево начало человека. Но всему наступает конец: "... производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами" [23]. Своей гениальной интуицией греки увидели эту перспективу и отразили ее в форме мифа, смысл которого где-то затеряли.

Ныне этот смысл теоретически осознан. Роковой комплекс Эрисихтона должен быть преодолен. Здесь не помогут песнопения о постиндустриальном или информационном обществе. Выход заключен в смене исторического основания бытия общества. Должны быть изжиты в свое время необходимые и прогрессивные, но ныне исчерпавшие себя формы отчуждения человека от человека, а тем самым и самоотчуждения. Разумный совместный труд, научное познание мира, стремление к прекрасному призваны стать основой для торжества иных заложенных в человеке начал: прометеева духа, сотрудничества, взаимной поддержки, радости свободного общения, тождества личного и общего интереса. Лишь на этом пути, в темных глубинах мироздания мерцает творческая космическая эволюция человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 75.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 419.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 41. С. 214.
4. Гегель. Лекции по истории философии // Соч. Т. 9. М., 1932. С. 78.
5. Каллимах. К Деметре // Александрийская поэзия. М., 1972. С. 126 - 128.
6. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 485, 562.
7. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 208.
8. Грейвс Р. Мифы древней Эллады. М., 1992. С. 66.
9. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 63.
10. Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М., 1983.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 135.
12. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 338.
13. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989. С. 484.
14. Паччеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 65.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 99.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 299.
17. Винер Н. Кибернетика. М., 1968. С. 77.
18. Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 542.
19. Цит. по: Якубанис Г. Эмпедокл: философ, врач и чародей. Киев, 1994, с. 68.
20. Плеханов Г. В. Философско-литературное наследие. Т. 1. М., 1973, с. 37.
21. Герцен А. И. О социализме // Избранное. М., 1974., с.123.
22. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 1. М.; Л., 1931., с. 779.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 491.